

Иванушко Козаревич (Ненависть к нему родителей, добывание им коня и доспехов и освобождение сестры)

Отсудили Иванушка от батюшка —
И от батюшка Иванушка, от матушки;
Присудили Иванушка ко бабушки,
Как ко той же ко бабушки-задворёнки.
И как просила же бабушка-задворёнка,
Как кормила кусоцьками прошоныма,
А кормила молоцьком она козловым же.
Ище тут Иванушко годов пети-шести
А стал тут по улоцьки похаживать,
Он с малыма робятками поигрывать:
А которого робётина схватит за ногу —
У того же робетина ногу оторвёт;
Как которого робетина схватит за руку —
Да того же робетина руку оторвёт;
Как которого робетина хвати[т] за живот —
А того же робетина живота лишит.
Тут же Иванушка приунели
Занимацьсе етима шутками нехорошима!
Ище стал тут Иванушко на возрости,
Ище стало Иванушку охота ехать во цисто полё —
Как нету по плецю ёму коня доброго.
Он сходит ко батюшку на конюшин дом,
На которого коня руку накинёт — да и тот с ног падёт.
Ище ходит по улоцьки, похаживат,
И закруцинилсэ Иванушко, запецалилсэ:
Он повесил свою да буйну голову,
Повесил буйну голову со могуцих плец.
Как идёт же настрету дак ёму бабушка:
«Уж ты здрастуй, Иванушко Козаревич!» —
«Как уйди проць, и бабка, да синя шапка же!
Я те дам тебе в ухо — да будет в жопы сухо!»
Увёрнуласе бабушка-задворёнка;

Из-за народу, из-за народу — и опеть настрецю:
«Уж ты здрастуй, Иванушко Козаревиц!» —
«Отойди проць, и бабка, да и синя шапка!
Я те дам в ухо — да будёт в жопы сухо,
Будёт-то в жопы сухо и в глазах зелено!»
Из-за народу, из-за народу — и опеть настрецю:
«Уж ты здрастуй, Иванушко Козаревиц!» —
«Уж ты здрастуй, и бабка да с́иня ша́пка!
Ище ты що ты заходишь да ко мне третей раз?
Уж ты що ле, бабушка, верно, знаёшь же?» —
«Ты спросил бы, моё дитятко, — я давно скажу.
Ище есь у вас у батюшка стары-ти хорóмины,
Они все стоят у их да прироссыпались!
Ище есь у их тут подгрёб глубокой же.
Ище есь во темном-то да у их в подгреби
Как стоит-то у их доброй конь,
И он тут тебе будёт слуга верная!
Ище есь тут вся сбрунюшка богатырская.
Как не то що тебе знать, дак и отець твой не знат!»
Как на то же Иванушко не ослышилсэ —
Поблагодарыл он тут бабушку, синю шапоцьку.
Как пошол-то он, пошол как на стары-ти хорóмины,
Он роскапывал подгрёб да тут глубокой же.
Как котóро он роска́пыват, новó и конь ломат.
Ище выскоцил конь да из етого подгребу.
Наложил тут Иванушко на добра коня руку:
Да не то що согнулсэ — не пошев[ел]илсэ он.
«Ну, тут-тут мне слуга будёт ведь верная,
Ище тут-тут слуга будёт надейна!»
Он и вынял тут сбруню да богатырскую,
Обседлал-обуздал своёго коня доброго.
Он пошол-то ко батюшку, ко матушки
Попросить он у батюшки, у матушки,
Попросил он великого благословленьца:
«Ище дай же мне, батюшко и матушка,
Ище дайте вы мне-ка да благословленьца
Мне-ка ехать во далецё цисто полё,
Мне во то во роздольё да широкоё —
И людей посмотриеть, да и самого показать!»

Ище батюшко и матушка оцми не звели.
Как пошол-то, пошол да из грынюшки вон,
И сам-то пошол он тут ко бабушки:
«Уж ты пусть мне-ка, бабушка, вместо батюшка,
Вместо батюшка, бабушка, вместо матушки —
Ище дай же великоё благословленьцо
Мне-ка ехать во далецо цисто полё,
Мне во то во роздольцо во широкоё —
Мне людей посмотреть, дак и себя показать!»
И дала же ёму бабушка благословленьцо
Как с буйной-то главы да и до резвых ног!
И как пошол-то, пошол Иванушко Козаревиц.
Когда видели: Иванушко на коня как сел, —
Когда не видели поезки да богатырское.
Он и ехал во далецём цистом поли,
А во том во роздольци во широком же —
И нечего он не видал, да и нечего не слышал.
Как наехал он только да цёрного ворона:
Сидит церной ворон да на толстом дубу.
Он натягиват свой-от тугой же лук,
Он направливат стрелоцьку калёную —
Он и хочот подстрелить да цёрного ворона.
Проговорыл же тут ворон руським языком же:
«Не стрелей-ко, Иванушко, цёрного ворона. —
Ворониного мяса да ты не исть будёшь,
Ворониной-то крови да ты не пить будёшь!
Воронино-то мясо горьким-горько,
Воронина-та кровь ище горьце!
Поежджай-ко, поежджай дале по цисту полю.
Там увидишь: тут есь три тотарина,
Они дел-от делят да на паи кладут:
Как первой-от дел делят — да цисто серебро,
Как второй-от дел делят — да красно золото,
Как треть-ёт дел делят — да красну девицю!»
Как на то же Иванушко не ослышилсэ —
Поехал-поехал да по цисту полю.
Он увидял тут, увидял да три тотарына —
Они дел-от делят да на паи кладут:
Как первой-от дел делят — да цисто серебро,

Как другой-от дел делят — да красно золото,
Как треть-ёт дел делят — да красну девицю.
Как перв-от тотарын роспроговорыл:
«Ты не плаць-ко, не плаць, да красна девица!
На делу ле ты мне-ка достаниссе,
В жеребью ты мне-ка и выпадёшь —
Я ссеку-то, ссеку у те буйну голову!»
Как втор-от тотарин да роспроговорыл:
«Ты не плаць-ко, не плаць, да красна девица!
На делу ле ты мне-ка достаниссе,
В жеребью ты мне-ка и выпадёшь —
Я ссеку-то, ссеку у те буйну голову!»
Как треть-ёт-де тотарин да роспроговорыл:
«Ты не плаць-ко, не плаць, да красна девиця;
На делу-то ты мне-ка достаниссе,
В жеребью ле ты и мне-ка выпадёшь —
Ише вывезу те да на свою землю,
На свою-то землю да к оцю, к матери!»
Закипело у Иванушка ретиво серцо:
Как первого-то тотарына конём стоптал,
Как второго-то тотарына копьём сколол,
Он третьёго-то тотарына живком спустил,
А живком-то спустил: «Да куда хошь, поди!»
Он садил-то, садил да красну девицу,
Он садил-то да на добра коня,
На добра-та коня да позади себя.
Как поехали они да цистым полём.
Ишше тут у девици да он ле стал выспрашивать,
Ишше стал у девици да он выведывать:
«Ты какой же земли, какого города?
Ты какого оцця, какой и матери?» —
«Я того же оцця да той и матери!» —
«Пусть ты мне сёстра родна:
Я того же оцця да той я матери!»
А повёз-то, повёз да на свою землю.
Он привёз-то, привёл да к оцю, к матери;
Да отдал он свою-ту родну сёстру,
Он отдал тут им, да оццю-матери.
Как отец-от и мати на его оцьми не звели!

Как пошел-то, пошел Иванушко из грыни вон;
Он и хлопнул в стену палицэй железной —
А ихны-ти хоромы да пошаталисе,
Пошаталисе — одва да не рассыпались.
Ишше тут отець-матушка испугалисе,
Побежали за Иванушком назади они.
И тут же Иванушко оцьми не звёл.

(Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Михашина Михаила Гавриловича, 44 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.